

САМОЕ ИНТЕРЕСНОЕ ЗА НЕДЕЛЮ

ПЕРВАЯ СОВЕТСКАЯ ТРАГЕДИЯ

И. Сельвинский. „Командарм 2“^{*)}

«Командарм 2» Сельвинского, является в советской драматургии также неожиданной, как появилась «Бояршина» Бабеля в советской беллетристике. Тогда появление настоящей, тщательно спроектированной, европейской прозы среди ряда ленинских мещанских беллетристов, теперь — трагедия, соединившая самостоятельную философию, удивительную отдачу стиха и латинскую быстроту действия, появившиеся в обществе растянутых драм, написанных в подражание несчастным предшественникам драматургам. «Командарм 2» — это новый бой в том передовом отряде нашего искусства, который составляют постановки Мейерхольда, фильм Эйзенштейна, проза Бабеля и стихи Сельвинского.

«Командарм 2» впервые вводит в нашу драматургию энергетические традиции хроника Шекспира и изобретательных пьес Мериме и Тика. Трагедия Сельвинского, написана в форме романа: пятый акт, то же повторяет первый, — но расчлененный герой заменяет другим, по чистому первом акте список красногвардейцев, напроливаемых в бой, читается в пятом акте, как список красногвардейцев, убитых в бою. Простое повторение создает замечательный трагический эффект. Нечего говорить об умео введенных интригах, о конфликтах, который скрашивает автору время, сообщая публике: «Ходит Окунин, он счетовод».

¹⁾ «Молодая Гвардия», № 7—8.

И. Сельвинский.

Византизм с традициями мировых мастеров драматургии, пройдя мимо всех русских драматургических традиций.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОБ ОЧЕРКАХ

Часто мы слышим язвительные критики о том, что нет у нас хороших художественных литераторов, которая откладывалась бы на больные вопросы, поставленные в первом ряду.

О прошлом у нас пишут огромные романы, выпускают толстые книги, а о том, как живут, наем чьи-то, тема страдают и чему радуются первые слои пролетариата и крестьянства, об этом у нас пишут. Вокруг много вопросов новых, непонятных, о которых ни в каких старых книгах не написано, а новые книги говорят о другом.

Вопросом хотя бы такой вопрос, как семья. Светлов Окунин, меттатель на конторке, король летайком мечтавший стратегом метавший в засовыши, видит брошен в гражданскую войну. Он сквозь штаб армии, находящийся под Белорусским, занятым белыми. У него генеральный план взятия Белоруссии. Это — ключ в победе в целой кампании. Командарм Чуб не хочет заниматься Белоруссии, хотя Окунин решает переодеться посланным главного штаба, арестовать Чуба, которого он считает неспособным и глупым, и привести свою план в исполнение. Это видит Чуб. Арестован, Белоруссия взята. В последний момент, когда Белоруссия уже взята, и войска вступают в него, узнавший все и бежавший из под Белоруссии Чуб арестовывает Окунина и приказывает отдать Белоруссию обратно. В том-то и дело, что Белоруссия не могла быть взята.

Это очень грубое изложение только схемы сюжета, необычайно сложного.

Размеры стихии не позволяют говорить о философии «Командарма 2», о философии монологов Окунина, заключающих в себе целое оригинальное мировоззрение.

О. Григорьев.

ГРОЗА В КАЯСАНЕ

Ветер тревожит грозовым указом выцветшую черноземную пыль. Весь ее, ветер вдыхает. И разом молнии осенительными глазами воспламеняются ковыль, то потухал, то загорался, снова наливается темный покров, стень отдастся от края до края изысканной схватке ионичных ветров. Что это?

Даже спокойный Алакуль волны поднимает и бросает вину. Это Пугачев ведет на плаку буйное войско иных станов. Вот он идет от Урала к Волге, голь сибиря, разгоняя власть, вот уже во взысканном вольнике стоял от края до края изысканной схватке ионичных ветров.

С этим не спорят, становись же!

Стонет земля под ударами подков.

Нет,

то от Монголии через Семиречье.

Длинная лавина степных быков. Ноги сибиря, опадают бока. Кровью наливается облака. Молнии смывают круги рога. И начинается ураган.

Ветер над степью, дымом и пылью туши бросает на штурм, на слом. Даже у мазанок вырастают крылья из черных соломы.

И направром с гиком врываются кочевые орды, и все уверней, все слышнее

голос возвышает каторжную гордость, каторжной гордости слышихъ имен.

Вот уже она гремит кандалами, трактом, в тени аракчеевских берегов, вот разгорается и воспламеняется пламя.

И начинается ураган. Ветер над степью, дымом и пылью туши бросает на штурм, на слом. Даже у мазанок вырастают крылья из черных соломы.

И направром с гиком врываются кочевые орды, и все уверней, все слышнее

голос возвышает каторжную гордость, каторжной гордости слышихъ имен.

Вот уже она гремит кандалами, трактом, в тени аракчеевских берегов, вот разгорается и воспламеняется пламя.

И начинается ураган. Ветер над степью, дымом и пылью туши бросает на штурм, на слом. Даже у мазанок вырастают крылья из черных соломы.

И направром с гиком врываются кочевые орды, и все уверней, все слышнее

голос возвышает каторжную гордость, каторжной гордости слышихъ имен.

Вот уже она гремит кандалами, трактом, в тени аракчеевских берегов, вот разгорается и воспламеняется пламя.

И начинается ураган. Ветер над степью, дымом и пылью туши бросает на штурм, на слом. Даже у мазанок вырастают крылья из черных соломы.

И направром с гиком врываются кочевые орды, и все уверней, все слышнее

голос возвышает каторжную гордость, каторжной гордости слышихъ имен.

Вот уже она гремит кандалами, трактом, в тени аракчеевских берегов, вот разгорается и воспламеняется пламя.

И начинается ураган. Ветер над степью, дымом и пылью туши бросает на штурм, на слом. Даже у мазанок вырастают крылья из черных соломы.

И направром с гиком врываются кочевые орды, и все уверней, все слышнее

голос возвышает каторжную гордость, каторжной гордости слышихъ имен.

Вот уже она гремит кандалами, трактом, в тени аракчеевских берегов, вот разгорается и воспламеняется пламя.

И начинается ураган. Ветер над степью, дымом и пылью туши бросает на штурм, на слом. Даже у мазанок вырастают крылья из черных соломы.

И направром с гиком врываются кочевые орды, и все уверней, все слышнее

голос возвышает каторжную гордость, каторжной гордости слышихъ имен.

Вот уже она гремит кандалами, трактом, в тени аракчеевских берегов, вот разгорается и воспламеняется пламя.

И начинается ураган. Ветер над степью, дымом и пылью туши бросает на штурм, на слом. Даже у мазанок вырастают крылья из черных соломы.

И направром с гиком врываются кочевые орды, и все уверней, все слышнее

голос возвышает каторжную гордость, каторжной гордости слышихъ имен.

Вот уже она гремит кандалами, трактом, в тени аракчеевских берегов, вот разгорается и воспламеняется пламя.

И начинается ураган. Ветер над степью, дымом и пылью туши бросает на штурм, на слом. Даже у мазанок вырастают крылья из черных соломы.

И направром с гиком врываются кочевые орды, и все уверней, все слышнее

голос возвышает каторжную гордость, каторжной гордости слышихъ имен.

Вот уже она гремит кандалами, трактом, в тени аракчеевских берегов, вот разгорается и воспламеняется пламя.

И начинается ураган. Ветер над степью, дымом и пылью туши бросает на штурм, на слом. Даже у мазанок вырастают крылья из черных соломы.

И направром с гиком врываются кочевые орды, и все уверней, все слышнее

голос возвышает каторжную гордость, каторжной гордости слышихъ имен.

Вот уже она гремит кандалами, трактом, в тени аракчеевских берегов, вот разгорается и воспламеняется пламя.

И начинается ураган. Ветер над степью, дымом и пылью туши бросает на штурм, на слом. Даже у мазанок вырастают крылья из черных соломы.

И направром с гиком врываются кочевые орды, и все уверней, все слышнее

голос возвышает каторжную гордость, каторжной гордости слышихъ имен.

Вот уже она гремит кандалами, трактом, в тени аракчеевских берегов, вот разгорается и воспламеняется пламя.

И начинается ураган. Ветер над степью, дымом и пылью туши бросает на штурм, на слом. Даже у мазанок вырастают крылья из черных соломы.

И направром с гиком врываются кочевые орды, и все уверней, все слышнее

голос возвышает каторжную гордость, каторжной гордости слышихъ имен.

Вот уже она гремит кандалами, трактом, в тени аракчеевских берегов, вот разгорается и воспламеняется пламя.

И начинается ураган. Ветер над степью, дымом и пылью туши бросает на штурм, на слом. Даже у мазанок вырастают крылья из черных соломы.

И направром с гиком врываются кочевые орды, и все уверней, все слышнее

голос возвышает каторжную гордость, каторжной гордости слышихъ имен.

Вот уже она гремит кандалами, трактом, в тени аракчеевских берегов, вот разгорается и воспламеняется пламя.

И начинается ураган. Ветер над степью, дымом и пылью туши бросает на штурм, на слом. Даже у мазанок вырастают крылья из черных соломы.

И направром с гиком врываются кочевые орды, и все уверней, все слышнее

голос возвышает каторжную гордость, каторжной гордости слышихъ имен.

Вот уже она гремит кандалами, трактом, в тени аракчеевских берегов, вот разгорается и воспламеняется пламя.

И начинается ураган. Ветер над степью, дымом и пылью туши бросает на штурм, на слом. Даже у мазанок вырастают крылья из черных соломы.

И направром с гиком врываются кочевые орды, и все уверней, все слышнее

голос возвышает каторжную гордость, каторжной гордости слышихъ имен.

Вот уже она гремит кандалами, трактом, в тени аракчеевских берегов, вот разгорается и воспламеняется пламя.

И начинается ураган. Ветер над степью, дымом и пылью туши бросает на штурм, на слом. Даже у мазанок вырастают крылья из черных соломы.

И направром с гиком врываются кочевые орды, и все уверней, все слышнее

голос возвышает каторжную гордость, каторжной гордости слышихъ имен.

Вот уже она гремит кандалами, трактом, в тени аракчеевских берегов, вот разгорается и воспламеняется пламя.

И начинается ураган. Ветер над степью, дымом и пылью туши бросает на штурм, на слом. Даже у мазанок вырастают крылья из черных соломы.

И направром с гиком врываются кочевые орды, и все уверней, все слышнее

голос возвышает каторжную гордость, каторжной гордости слышихъ имен.

Вот уже она гремит кандалами, трактом, в тени аракчеевских берегов, вот разгорается и воспламеняется пламя.

И начинается ураган. Ветер над степью, дымом и пылью туши бросает на штурм, на слом. Даже у мазанок вырастают крылья из черных соломы.

И направром с гиком врываются кочевые орды, и все уверней, все слышнее

голос возвышает каторжную гордость, каторжной гордости слышихъ имен.

Вот уже она гремит кандалами, трактом, в тени аракчеевских берегов, вот разгорается и воспламеняется пламя.

И начинается ураган. Ветер над степью, дымом и пылью туши бросает на штурм, на слом. Даже у мазанок вырастают крылья из черных соломы.

И направром с гиком врываются кочевые орды, и все уверней, все слышнее

голос возвышает каторжную гордость, каторжной гордости слышихъ имен.

Вот уже она гремит кандалами, трактом, в тени аракчеевских берегов, вот разгорается и воспламеняется пламя.

И начинается ураган. Ветер над степью, дымом и пылью туши бросает на штурм, на слом. Даже у мазанок вырастают крылья из черных соломы.

И направром с гиком врываются кочевые орды, и все уверней, все слышнее</p

